

ЛЕОНИД
ЛАТЫНИН

ГРИМЕР И МУЗА

**THE FACE-MAKER
AND THE MUSE**

ФТМ

2022

УДК 82-821
ББК 84 (1 Рос=Рус) 6-5
Л27

**Оригинал-макет книги для PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

Латынин, Л.

Гример и Муза. The Face-Maker and the Muse. Роман. / Леонид Александрович Латынин. Перевод на англ. Эндрю Бромфилда. И— Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022. — 516 с.

В оформлении обложки использованы иллюстрации Андрея Нефёдова и Тимура Исхакова.

ISBN 978-5-521-74542-5

Леонид Латынин — русский поэт и прозаик. Автор книг стихов, работ по русскому народному искусству, романов «Гример и Муза», «Спящий во время жатвы», «Берлога», «Ставр и Сара», «Русская правда», изданных в России, Европе и Америке. В книгу также включен английский перевод Andrew Bromfield романа-антиутопии «Гример и Муза».

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-521-74542-5

© Текст. Л. А. Латынин, 2021
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДЕРЖИ УМ ВО АДЕ — И НЕ ОТЧАИВАЙСЯ

СИЛУАН

Это — тяжела книга. И выматывающ душу был труд ее читать. Представляю, какое же тысячекрат самосторание — был труд автора ее писать. Труд мыслительный, нравственный и художнический. Уж полтора года прошло, как прочитал я эту книгу, — и до сих пор сердце саднит и подташнивает: словно сам на костре, на аутодафе сгорал, будто тебе делали пластическую операцию лица... От ума до физиологии — всепроникновенно действие чтения этого было. Сочинение мифотворческое — и кишечнорастворимое заразно.

Состояние — подобное акту покаяния: когда взглянешь в недра сокровенные свои — и ужаснешься и затошнит и завзвистишь очищения, преображения града Истины и Блага уже не только верхушечностью головы, где идеалы под черепушкой обитают, — но печенью, селезенкой и гениталиями.

Книга, чтение ее — как болезнь смертельная. Но переболев, приобретаешь иммунитет и закалку против напасти подобной. Катарсис.

Вроде и простенок сюжет: ходят люди на работу, дома любят друг друга, затем — конфликт с начальством и уход. Но под этим — притча, философема. То не «работа» просто, а некий вселенский комбинат по переделке бытия и человека. То не рабочие, а Архитворец, как Фауст, — и роботы

снивелированные. То не изготовление изделий-деталей (работа ихняя), но преобразование плоти и всего существа: чрез операцию лица души — тут Гомункулусов выведение.

Да: нечто и средневековое, алхимически-цеховое, фаустиански-парацельсово, из века Тиля Уленшпигеля и Джордано Бруно, есть в романе-притче этом, — и в то же время архимодерно-техническое присутствует как в научно-фантастических романах XX века: социальные утопии и антиутопии...

И — вполне русская это вещь: от Аввакумова, раскольничьего, самосожжения, через Достоевскую легенду о Великом Инквизиторе, да и сны: Смешного человека и Веры Павловны о дворце хрустальном — нить тут идет.

«Она требует мыслей и мыслей», — так понял Пушкин долг прозы.

В нашей прозе современной есть и наблюдательность, лиризм, описания, соображения, характеры даже, — но с мыслью дело туго: вяленька, слабёнька. Потому-то и не тянет на роман, а лишь повесть так состояться еще может. Роман Латынина — или, скорее, философская повесть его, — напором и волей мысли художественной властно захватывает: впитать те традиции культуры, которые упоминал, — и скрутить спираль своего самобытного сюжета (а роман построен четко-конструктивно), каким ставит как бы художественно-мысленный эксперимент над потенциями общества и истории, и над нравственными возможностями человека в предельной ситуации, — о, на это немало надо творческой энергии!

И вдруг — нежность и невозможность быть без друг друга: парение Любви — над всем этим скрежетом... как выход и надежда.

Из мытарств, которым, как в средневековых житиях, душа подвергается, и из испытаний-пыток, искусных в веке нашем-сём, дух человеческий имеет надежду выйти преображенным.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Так что, при сатанинской кромешности бесовского действия-мистерии, как наружи и плоти, и внешности (а «кромешнее» «внешнее») — все с плотью да с веществом, с душами — в аппаратуре, — тихая ангельская музыка сфер слышится, и есть — сияние!..

Соответствуют и язык: вязкая, густая образность, плотяно-языческая, даже барочная, в волевом потоке фразы — оказывается просто понятна, ибо в прозрачности чистой и простодушной купается...

ГЕОРГИЙ ГАЧЕВ

ГРИМЕР И МУЗА

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Копоть нехотя встала на крыло, скользнула за спину, и Гримеру, сквозь просветлевшее и ставшее еле различимым в сером дневном свете пламя, открылся Город, который отсюда, из-под навеса, отделенный от глаз сухим пространством, был непривычен.

С улицы, из дождя, Город выглядел размытее, серее и всегда была видима только часть его. А отсюда, с высоты, через пламя, сухой воздух и дождь Город чуть трепетал, отделялся от земли и плыл, как будто наконец перестал притворяться и стал таким, каким он был на самом деле.

Сначала появилось тепло около дождя, и на ветру это было приятно, но потом языки огня, нагрев подошвы еще не теплом своим, а только жаром, обожгли ступни, и тут же сразу, без паузы, один из них лизнул в пах. Гример дернулся и вспомнил, что привязан крепко, и вздрогнул только внутри себя. И еще ощутил, что тело готово привыкнуть к огню, оно выпустило пот, защищаясь от жара. В это время ветер наклонил языки пламени, и они нехотя отошли от тела Гримера. Стало непривычно холодно, но непривычно — это была неправда, это было привычно холодно, но привычно холодно до огня. Гример поежился. А Город, отлепившись от земли, казалось, пытается осуществить смысл своей жизни — подняться на холм, над которым сейчас жил Гример. Но как ни высоко жил он, еще выше был Дом за

его спиной, и, наверное, с крыши Дома Гример увидел бы еще большую часть Города, а сейчас он мог видеть только ровные ряды домов, которые полукружьем обступили холм со всех сторон, образуя строгие параллельные ряды. Словно вывернутый наизнанку, но не тронутый временем античный театр, своими ступенями отделившись от земли, карабкался на холм, — никакой суеты, ни один из рядов не торопился опередить другой, и в движении вверх они сохраняли строгость, очередность, стройность, правильность. Отсюда было хорошо видно, как ровно расстояние между рядами, и только однажды широкий пояс разрыва разбивал ряды домов на два разновеликих отряда — так войско двигается, выставив вперед командиров, и только через ошутимое, заметное даже издалека расстояние, достаточное, чтобы не спутать ведущих и остальную массу, шагают солдаты.

И опять другой порыв ветра вернул огонь к телу Гримера. За это время огонь уже вырос и, соскучившись, как по хозяину, языком лизнул Гримера в лицо. Вспыхнули брови, согнулись, побелели и исчезли, оставив белые завитки пепла. Еще чуть выше поднялся ласковый язык, и волосы исчезли, словно юркнули внутрь черепа. Так суслик, на минуту выглянув наружу и услышав приближение врага, прячется в свою нору. Отвратительный запах горящих волос, пожалуй, даже более отвратительный, чем боль.

Гример закрыл глаза. И все равно в них еще остался Город, каким Гример видел его впервые отсюда, — ровные полукольца, обнимающие холм. Веки нагрелись, и одно, не выдержав жары, лопнуло, глаз не выдержал света и огня, высох и перестал различать мир. И последнее, что успел им впрямую увидеть Гример, — первый ряд сплюснулся, вытянулся и выгнулся круто

в противоположную сторону, как будто попытался сопротивляться наступающим на него рядам, и вдруг не выдержал и лопнул от напряжения. И все — дальше красная тьма, Гример попытался запрокинуть голову и втиснуть живой глаз внутрь и почувствовал, как огонь ослаб. Может быть, ветер может быть, сложенное под его ногами барахло, прогорев, обвалилось и огонь отступился, скользнул вниз вслед за прогоревшим барахлом. Гример открыл оставшийся глаз. Конечно, это ему показалось: первый ряд все так же, ровно и правильно, полукольцом душил холм. С этим своим высохшим глазом он проморгал ощущение, что ноги уже начали гореть, обуглившаяся изогнутая подошва, наверное, стиснула ногу, но из-за боли тлеющей ступни боль зажатой ноги он не чувствовал. Только мозг еще мог предположить это, и все же тело, независимо от мозга, еще сопротивлялось жаре своей главной болью — хотя будущие причины уже смиряли Гримера с ней.

Огонь в это время взобрался на какую-то кипу бумаги и, подпрыгнув, кольнул копьем в сердце Гримера. Эта боль, пожалуй, была бы сильной, если б не выгорел глаз и не тлели ноги. Как жалко, что над ним навес, — если б навеса не было, дождь давно бы залил огонь и на этом все кончилось, он готов к испытаниям и огнем, но не до такой же степени, пора бы уже и снять Гримера, в конце концов он уже потерял один глаз и работать будет труднее. Пламя вспыхнуло еще ярче и шире, и Город исчез за его спиной. Вверху загорелся навес. Пламя пробилось наружу. Гример обрадовался, выплюнул солоноватую слюну. Сейчас хлынет дождь. Нет, уже поздно. Струи дождя, не достигая пламени, испарялись и исчезали. Огонь был сильнее воды. Конечно, рано или поздно огонь ослабнет и дождь возьмет свое, потому что огонь — это временно, пока есть чему гореть, как